

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.30>

Маслов Евгений Сергеевич

Нарратологический подход к концепции "конца истории" Ф. Фукуямы

Статья посвящена концепции "конца истории" видного современного политолога и философа Фрэнсиса Фукуямы. В работе используются нарратологические понятия, концепции и методы. Предметом нарратологического анализа становится модель всемирно-исторического процесса, выстраиваемая Фукуямой. Главные аспекты проводимого исследования - структура сюжета и лежащий в ее основе конфликт. Результаты изучения показывают противоречие между понятием "конец истории" и фактической незавершенностью исторического процесса. Выводы экстраполируются на другие философско-исторические концепции, содержащие идею "конца истории".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/30.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 149-153. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

отраженным отечественной философией и художественной литературой. И это неуспокоенное народное самосознание претендует не только и не столько на сытость, сколько на высший смысл человеческой жизни, связанный с Родиной, Долгом, Служением, Честью. В движении лишь к этим ценностям могут прогнозироваться спасительная перспектива и уникальная историческая роль России.

Список источников

1. **Аристотель.** Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 347 с.
2. **Гончарук Д.** Фонд Сороса может стать нежелательным // Парламентская газета. 2015. 4 июня.
3. **Дементьев А. Д.** Жизнь – одна. Любовь – одна. М.: ЭКСМО, 2019. 448 с.
4. **Зуев М. Н.** История России. М.: ПРИОР, 2000. 720 с.
5. **Классическое конфуцианство:** в 2-х т. СПб.: Нева, 2000. Т. 1. 384 с.
6. **Колодный Л.** Святой Николай // Московский комсомолец. 2018. 12 октября.
7. **Ленин В. И.** Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1972. Т. 12. С. 99-105.
8. **Лермонтов М. Ю.** Стихотворения. Саранск: Красный октябрь, 1996. 286 с.
9. **Островский Н. А.** Как закалялась сталь. М.: Детская литература, 1967. 399 с.
10. **Прилепин З.** Книгочет: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями. М.: Астрель, 2012. 444 с.
11. **Пушкин А. С.** Александр Радищев // Пушкин А. С. Мысли о литературе / сост. М. П. Еремин. М.: Современник, 1988. С. 250-259.
12. **Рождественский Р. И.** О разных точках зрения // Юность. 1965. № 6. С. 2-8.
13. **Розанов В. В.** Опавшие листья. Короб второй. М.: АСТ, 2003. 302 с.
14. **Русские писатели о Ломоносове** // Ломоносов М. В. Стихотворения / сост. Е. Н. Лебедев. М.: Советская Россия, 1980. С. 66-68.
15. **Спиноза Б.** Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза Б. Избранное. Мн.: Попурри, 1999. С. 313-590.
16. **Толстой Л. Н.** Так что же нам делать? // Толстой Л. Н. Что такое искусство? / сост. В. В. Основин. М.: Современник, 1985. С. 77-106.
17. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
18. **Чуйков А.** Россия: отстать навсегда? Вместо науки пришла «труба» // Аргументы недели. 2019. 23 октября.

Fiction as a Factor of Individual's Socialization

Kuleshov Valerii Ermolaevich, Doctor in Philosophy, Professor
Tsareva Nadezhda Aleksandrovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Pacific Higher Naval College named after S. O. Makarov, Vladivostok
valkulesh@mail.ru; nadezda58@rambler.ru

The article examines the influence of fiction on the formation of the individual's ethical values and creative thinking. Literary text influences both rational and emotional spheres of consciousness. A talented author forms a reader's worldview, which determines his life philosophy. That's why in the post-reconstruction period, those in power try to change ideological orientation of school literature curriculum so as to form a "civilized consumer". But universality of national ethical values represented in the Russian classical literature indicates that it's a hopeless task.

Key words and phrases: literature; creative work; socialization; education; meaning of life; morality; values.

УДК 16:930.1

Дата поступления рукописи: 15.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.30>

Статья посвящена концепции «конца истории» видного современного политолога и философа Фрэнсиса Фукуямы. В работе используются нарратологические понятия, концепции и методы. Предметом нарратологического анализа становится модель всемирно-исторического процесса, выстраиваемая Фукуямой. Главные аспекты проводимого исследования – структура сюжета и лежащий в ее основе конфликт. Результаты изучения показывают противоречие между понятием «конец истории» и фактической незавершенностью исторического процесса. Выводы экстраполируются на другие философско-исторические концепции, содержащие идею «конца истории».

Ключевые слова и фразы: Фукуяма; Гегель; Тодоров; конец истории; конфликт; сюжет; философия истории.

Маслов Евгений Сергеевич, к. филос. н., доцент
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
eumas@rambler.ru

Нарратологический подход к концепции «конца истории» Ф. Фукуямы

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что финалистские модели истории в целом и концепция «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы в частности остаются весьма влиятельными среди современных

моделей осмысления прошлого и будущего человечества. Расширение методологии исследования таких теорий способно оказать современному человеку ценную услугу в понимании собственного положения в истории и открывающихся перспектив. Особенно интересно выявить скрытые, неявные, но воздействующие на сознание аспекты моделей осмысления всемирной истории. **Научная новизна** статьи заключается в том, что ключевые положения концепции Ф. Фукуямы анализируются здесь в свете нарратологических проблем, концепций и категорий. Результатом такого анализа становится создание и обоснование нарратологической модели ключевой коллизии, лежащей в основании концепции «конца истории» Ф. Фукуямы.

Сам Фукуяма понимает необходимость пояснить, каким образом можно говорить о конце истории, если она де-факто продолжается, и пишет следующее: «...то, что по моему предположению подошло к концу, это не последовательность событий, даже событий серьёзных и великих, а История с большой буквы – то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов» [14, с. 8]. **Целью** данной статьи является объяснить противоречие между «оконченной» и вместе с тем «неоконченной» историей в концепции Фукуямы, охарактеризовать, что этот философ понимает под «Историей» с большой буквой, которой, по его мнению, наступил «конец». Для достижения этой цели в настоящей статье применяется теоретический аппарат нарратологии и философии нарратива. Применение данного теоретического инструментария к историческим и философско-историческим произведениям опирается на уже довольно солидную традицию, связанную с «лингвистическим поворотом» в философии истории [7; 9; 13; 16].

Идея «конца истории», впервые высказанная Фукуямой в 1989 году, заключается в том, что соперничество идеологий в современном мире завершилось победой либеральной демократии. Её основные соперники – наследственная монархия, фашизм и коммунизм – один за другим теряли своё влияние на протяжении последних десятилетий [14, с. 7]. Серьезной борьбы идеологий больше нет и – по мнению американского философа – не будет. Либеральная демократия, по утверждению Фукуямы, предстаёт как форма правления, лишённая принципиальных дефектов (те, что есть, вызваны неполнотой реализации её принципов). Она является оптимальной для удовлетворения потребностей человека, в том числе потребности в признании, которой Фукуяма уделяет особое внимание [Там же, с. 14-21]. Либеральной демократии, по мнению философа, не грозит разрушение в результате внутренних противоречий [Там же, с. 7-8].

Сам Фукуяма вполне однозначно называет своих предшественников в основных принципах реализуемого им подхода к истории: это, в первую очередь, Г. В. Ф. Гегель, а также испытывавший его влияние К. Маркс. «И Гегель, и Маркс, – утверждает Фукуяма, – верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали “конец истории”: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество» [Там же, с. 9]. В развитии идей Гегеля Фукуяма опирается также на А. Кожева: «Писавший в XX веке великий интерпретатор Гегеля Александр Кожев... решительно заявлял, что история закончилась...», поскольку современное ему общество «определенно разрешило вопрос о признании путем замены отношений господина и раба универсальным и равным признанием» [Там же, с. 22].

Концепция «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы сразу же вызвала бурную полемику, которая продолжается до сих пор. Критики обращали внимание, в частности, на то, что после окончания «холодной войны» масштабные противостояния не закончились [6, с. 314]. Так, перспектива «столкновения цивилизаций», описанная С. Хантингтоном, с очевидностью противоречит идее безоговорочной победы западного варианта устройства общества [8; 18]. Вместе с тем ряд авторов считают, что современная политическая реальность в основном подтверждает правоту Фукуямы: несмотря на политические конфликты, не возникает идеологии, которая бы всерьёз бросила вызов либеральной демократии в мировых масштабах. Напротив, всё больше обществ встаёт на путь, ведущий к описанному Фукуямой идеалу [20].

Специфика настоящей статьи заключается в том, что в ней не даётся какой-либо оценки истинности и обоснованности политологических утверждений Фукуямы. Предметом исследования в данном случае является формальная сторона этих утверждений, рассмотренная в свете нарратологических категорий и концепций. В настоящей статье концепция Фукуямы выбрана как та, в которой со значительной прямотой и простотой выражены идеи, присутствующие также у ряда других авторов, причем не только у уже названных Гегеля, Маркса и Кожева, но и у многих из тех, кто в той или иной форме обращается к идее «конца истории», начиная с ветхозаветных пророков. Формулировки Фукуямы, на наш взгляд, как ничьи другие, резонируют с нарратологической сутью идеи «конца истории», которая во многих других текстах оказывается значительно более завуалированной.

Что представляет собой «конец истории» – в том значении, которое этому выражению придает Ф. Фукуяма – с точки зрения нарратологии? Может ли нарратология дать нам что-либо ценное для лучшего понимания проблемы «конца истории»?

Очевидно, что Фукуяма понимает под «концом истории» отнюдь не исчезновение человечества. Скорее, это переход в некое новое состояние, ключевые признаки которого очень интересны. Либеральная демократия доминирует, и у нее нет конкурентов. Речь идет не о текущей ситуации: ведь если соперников, «варваров у ворот», нет сегодня, ничто не мешает им появиться завтра. Дело в другом: другие формы жизнеустройства, по мнению Фукуямы, не могут оказаться сильнее, чем либеральная демократия. Ее ключевые принципы – свобода и равенство – определяют ее наибольшую успешность в реализации стремления человека к признанию, и другие политические формы заведомо проигрывают ей по этому параметру. Она эффективна и экономически,

в частности, она наиболее адекватна для постиндустриального общества, хотя Фукуяма всё же делает больший акцент на потребности в признании. И ещё: либеральная демократия обладает достаточным потенциалом внутренней непротиворечивости и устойчивости.

Данное состояние можно интерпретировать следующим образом: в современном мире решены основные противоречия, устранены источники напряжения, борьбы, конфликтов. Причем речь идет как о конфликтах, внешних по отношению к либеральной демократии, так и о внутренних противоречиях (либеральная демократия их успешно решает, в отличие от других известных вариантов общественного устройства). Достигнуто устойчивое, равновесное положение, которому более ничто не угрожает.

Современная либеральная демократия в обществах Запада предстает в теории американского мыслителя как состояние, в котором решены основные противоречия. Получается, до этого они были. Более того, вся история человечества – это история противоречий, болезненного несовершенства, неудовлетворенности, конфликтов и т.п. Данная схема потрясающе точно вписывается в концепции сразу нескольких авторов, занимавшихся теорией нарратива. Так, структуралист Цветан Тодоров считает, что эпизод как основная структурная единица нарративного текста (Тодоров исследует прежде всего вымышленные повествования, то есть художественную литературу) имеет следующую пятичастную структуру:

- 1) исходное равновесие;
- 2) нарушение равновесия;
- 3) состояние нарушенного равновесия, которое может меняться на протяжении всего произведения, но остается дисгармоничным;
- 4) восстановление равновесия;
- 5) восстановленное равновесие (впрочем, не тождественное исходному) [11, с. 88-89].

Схема Цв. Тодорова может быть применена не только к эпизоду нарратива, но и к нарративу в целом. Один из ведущих нарратологов начала XXI века Дэвид Херман даже помещает схему Тодорова в число основных атрибутов нарратива как такового [19, р. 19-21].

Нетрудно заметить, что модель истории Фукуямы построена в точном соответствии с третьей, четвертой и пятой стадиями схемы Тодорова, и только начальное равновесие, которое было когда-то нарушено, не находит в ней отражения. Многовековое неравновесное состояние наконец-то заканчивается гармоничным обществом, основанным на принципах свободы и равенства.

Если обратиться к Гегелю как идейному предшественнику Фукуямы, то в его философско-исторической концепции, несомненно, гораздо более сложной, мы обнаруживаем пятичленную схему Тодорова уже целиком. Искать её начальные стадии нужно, однако, не в философско-исторической концепции Гегеля [2], а в его онтологии, так как развитие человеческого общества, по Гегелю, является стадией в развитии Абсолюта. Аналогом пятичленной схемы Тодорова оказывается триадический принцип, положенный в основу структуры «Энциклопедии философских наук»: первая стадия – «Наука логики», вторая – «Философия природы», третья – «Философия духа» [3]. Вторая стадия – самоотчуждение Духа в форме того, что ему противоположно, а именно материальной природы – вполне соотносима с нарушением начального равновесия в схеме Тодорова. Впрочем, триадическое деление пронизывает всю философию Гегеля, так что можно отыскать аналогии схемы Тодорова и в гегелевской философии истории.

Гегель, однако, внес крупный вклад не только в философию истории, но и в эстетику, а фактически – и в философию нарратива (которую тогда, конечно, так никто ещё не называл). Здесь великий немецкий философ оказывается предшественником «нарративного синтаксиса» Цветана Тодорова, описывая коллизию как элемент литературного произведения следующим образом: «В основе коллизии лежит *нарушение*, которое не может сохраняться в качестве нарушения, а должно быть устранено. Коллизия является таким нарушением гармонического состояния, которое в свою очередь должно быть изменено» [4, с. 213]. Это очень близко к уже описанной формуле нарративного эпизода по Тодорову: «Идеальное повествование начинается с устойчивого положения, которое нарушается действием некоторой силы. Возникает состояние неравновесия; благодаря действию некоторой противоположной силы равновесие восстанавливается; новое равновесие подобно исходному, но они никогда не тождественны полностью» [11, с. 88].

Выдающийся отечественный литературовед-формалист Б. В. Томашевский, двигаясь в целом в том же русле, что и Гегель, считает, что «в основе большей части фабульных форм лежит борьба» [12, с. 180]. Движущая сила развития сюжета, как утверждает Томашевский, – противоречие интересов персонажей. Развязка произведения наступает тогда, когда «противоречия примирены, интересы согласованы» [Там же, с. 181]. Противоборствуют не обязательно личности: Томашевский оговаривается, что порождающая сюжет борьба может протекать и между различными мотивами, страстями, сторонами духовной жизни одного и того же персонажа [Там же, с. 180].

То, что Гегель называет «коллизией», в отечественном литературоведении чаще именуется «художественный конфликт» [15, с. 217-220]. Художественный конфликт, как и связанное с ним явление – интрига, является основной целостности нарратива. Согласно Полю Рикёру, именно с позиций своей значимости для интриги получают своё значение все события, о которых говорится в нарративе. Даже сам отбор – о чём стоит говорить, а о чём нет – зависит от того, что положено в основу интриги [10, с. 81]. Рикёр проводит параллель между интригой как основой целостности нарратива, с одной стороны, и желанием, целелеполаганием, проективностью как основой целостности человеческого действия, с другой – утверждая родство этих двух групп феноменов [Там же, с. 68-70]. Схожей позиции придерживается Дэвид Карр, развивающий феноменологическую

философию нарратива [17, р. 21-40]. Данная идея восходит к знаменитой идее Аристотеля о происхождении искусства в целом из подражания, а нарратива (эпоса, трагедии) в частности – из подражания человеческому действию [1, с. 155].

Для того чтобы утверждать окончание истории в каком-либо смысле, нужно сначала сформулировать суть истории (в этом же самом смысле) и только после этого искать симптомы завершения соответствующих процессов. Суть процессов, составляющих «Историю» с большой буквы, по Фукуяме, конфликтна: это соперничество способов построения общества и соответствующих им идеологий. Конец истории заключается в безоговорочной победе одного из этих способов. Таким образом, способы организации общества оказываются персонажами Истории, «актантами», в терминологии Альгирдаса Греймаса [5, с. 248-278].

Однако это лишь первый слой конфликта, лежащего, как следует из слов Фукуямы, в основе истории. Чтобы понять более глубинные слои, представим себе эту многовековую схватку моделей политического устройства, похожую на «войну всех против всех». Те, кто начинали эту войну, скорее всего, уже давно «почили в бозе». Игроки, перечисляемые Фукуямой, – либеральная демократия, наследственная монархия, коммунизм, фашизм – по историческим меркам либо очень молоды, либо относительно молоды, за исключением наследственной монархии. Победитель игры – либеральная демократия – не является, таким образом, тем персонажем, которому читатель мог бы сопереживать как главному герою на всём протяжении повествования. Это обстоятельство указывает на то, что главным действующим лицом повествования является отнюдь не либеральная демократия. Главный герой – тот, кто был на сцене с самого начала. Таким героем, по нашему мнению, в системе персонажей Фукуямы является человечество. Суть конфликта в этом случае заключается уже не в том, что либеральная демократия борется с соперниками, а в том, что человечество путем проб и ошибок ищет подходящий вариант собственного жизнеустройства, причем этот поиск на протяжении большей части истории был болезненным и малоэффективным. Современность, по Фукуяме, – долгожданный хэппи-энд истории: оптимальный вариант найден, опробован и победно шествует по планете. Последний из числа серьезных соперников – коммунистическая идеология – повержен. Термин «хэппи-энд» очень показателен: “happy end” в сказке «Золушка» не означает конца (“end”) самой Золушки, напротив, это начало её беспроблемной, счастливой жизни. Так же и «конец истории» по Фукуяме – это начало (относительно) беспроблемного существования человечества в рамках демократических обществ. Схожее свойство имеет «конец истории», например, в христианской эсхатологии или философско-исторической концепции К. Маркса.

Фукуяма пытается указать и более конкретную сущность сюжетного конфликта Истории, редуцируя его к философско-антропологическому уровню. Экономическую трактовку сущности истории американский мыслитель считает недостаточной [14, с. 14] и снова обращается к теории Гегеля, на этот раз – к его концепции потребностей человека. Помимо естественных потребностей и желаний, таких, как еда, питьё, жильё и самосохранение, наличествующих также и у животных, человек, как утверждает вслед за Гегелем Фукуяма, имеет и особую, исключительно человеческую, потребность: он «желает желаний других людей, то есть он желает быть “признан”. В частности, он желает, чтобы его признавали *человеком*, то есть существом, имеющим определенное достоинство» [Там же, с. 15]. Либеральная демократия, с точки зрения Фукуямы, является тем порядком, при котором люди имеют, наконец, возможность получить желанное признание собственного достоинства; именно в этом залог конкурентоспособности либеральной демократии как идеологии.

Теперь мы подошли к ответу на вопрос, который задали ранее: если исторические события продолжают, как может закончиться История? Что заканчивается в этом случае?

Понятие «конец истории» подразумевает выделение из бесчисленного множества конфликтов, противоречий, напряжений, противоборств, которые существуют в человеческом обществе, какой-то одной линии, которая наделяется особым статусом. «История» с большой буквы – это история данного, выделенного, главного, по мнению конкретного теоретика, конфликта. Разрешение этого конфликта – конец Истории. Для Фукуямы центральным конфликтом, лежащим в основе Истории и нашедшим, наконец, разрешение, является поиск человечеством такой формы устройства общества, при котором будут оптимально удовлетворяться потребности его членов, в первую очередь потребность в признании человеческого достоинства.

Опасность ядерной войны, экологического кризиса, другие глобальные угрозы не могли не быть известны Фукуяме, но их он не выделяет в качестве основного конфликта или даже его частей или аспектов, поэтому они не влияют на ход Истории, как бы это ни было парадоксально при ближайшем рассмотрении.

Оговорка Фукуямы о том, что, несмотря на «конец истории», события, в том числе серьёзные и великие, будут продолжаться [Там же, с. 8], демонстрирует относительность выбранного им угла зрения на историю. Закончилась одна коллизия, но она не охватывает того, что составляет коллизионную ткань истории в целом. Громкая фраза Фукуямы о «конце истории» замаскированно безосновательна, несмотря на безусловно сильный и оригинальный (при всей его спорности) политологический тезис, лежащий в основе данной концепции. Законы нарратива подталкивают к выделению одного конфликта в качестве центрального, сквозь призму которого автор оценивает значимость всего происходящего. Для исторической теории это влияние является упрощающим, примитивизирующим. Фукуяма поддается данному влиянию, отчего в его произведении возникает иллюзия простой структуры исторического процесса с возможностью лаконичных и вместе с тем исчерпывающих бинарных оценок.

Что же делает Фрэнсис Фукуяма, с точки зрения нарратологии? Он устанавливает, в чём именно заключается коллизия (художественный конфликт, нарушение равновесия), которая составляет сущность всемирно-

исторического нарратива. Когда конфликт установлен, его можно и разрешить – или прийти к выводу, что он уже разрешен. Впрочем, отличие Фукуямы от того же Маркса, как и от многих других социальных теоретиков, в том, что, по его мнению, решение уже найдено и даже реализовано. Схожей точки зрения, впрочем, придерживались Гегель и Кожев. Всех четырех названных мыслителей объединяет понимание ими своей роли как исследователей сути истории – говоря нарратологическим языком, коллизии, составляющей сущность истории. Выявление такой коллизии виделось всем четверым ключом не только к пониманию истории и общества, но к выработке правильной позиции по отношению к происходящему.

Основные **выводы** статьи можно сформулировать следующим образом.

1. На примере концепции Ф. Фукуямы показано, что в философско-исторических теориях может содержаться аналог того, что применительно к художественной литературе именуется «художественный конфликт» или «коллизия».

2. «Конец истории», по Фукуяме, представляет собой разрешение коллизии, приводящее человечество к гармоничному состоянию. Такой тип разрешения коллизии описан, в частности Г. В. Ф. Гегелем и Цв. Тодоровым.

3. Эта коллизия, с позиций Ф. Фукуямы, заключается в поиске человечеством такого устройства общества, при котором потребность людей в признании собственного достоинства находит должное удовлетворение. Разрешается эта коллизия при появлении искомого устройства, им является либеральная демократия.

4. Выделенная Фукуямой коллизия, вне зависимости от того, насколько верно она «схвачена» американским философом, является лишь одним из аспектов развития общества, где существует множество других оснований для противоречий и конфликтов. Нарратив как форма освоения опыта тяготеет к единству коллизии. Подчиняясь этому влиянию, Фукуяма неоправданно упрощает детерминацию и структуру исторического процесса.

Список источников

1. **Аристотель.** Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2004. 224 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1974-1977.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Эстетика: в 4-х т. М.: Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
5. **Греймас А.-Ж.** Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
6. **Канков С. С.** Продолжается ли история? (критика концепции «конца истории» Фукуямы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 311-318.
7. **Кукарцева М. А.** Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44-55.
8. **Лукьянов В. Ю.** Столкновение цивилизаций или конец истории? Теории С. Хантингтона и Ф. Фукуямы в XXI веке // Актуальные проблемы экономики и управления. 2016. № 4 (12). С. 126-133.
9. **Потапова Н. Д.** Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
10. **Рикёр П.** Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
11. **Тодоров Цв.** Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 37-113.
12. **Томашевский Б. В.** Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
13. **Уайт Х.** Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
14. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Полиграфиздат, 2010. 588 с.
15. **Хализев В. Е.** Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
16. **Эльдарион А. А.** «Нарративный поворот» в современной философии истории: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Ч. 2. С. 209-212.
17. **Carr D.** Time, Narrative and History. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 189 p.
18. **Coker C.** Francis Fukuyama and the End of History // Kantian Review. 2017. Vol. 22. Iss. 1. P. 172-176.
19. **Herman D.** Basic Elements of Narrative. Chichester – Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2009. 249 p.
20. **Müller J.** Did History End? Assessing the Fukuyama Thesis // Political Science Quarterly. 2014. Vol. 129. Iss. 1. P. 35-54.

Narratological Approach to F. Fukuyama’s “The End of History” Conception

Maslov Evgenii Sergeevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
eumas@rambler.ru

The article considers “the end of history” conception developed by the outstanding modern political scientist and philosopher Francis Fukuyama. The study is based on narratological notions, conceptions and methods. Fukuyama’s model of global historical process is subjected to a narratological analysis. The researcher’s attention is focused on the story structure and the story conflict. The research findings allow revealing contradiction between the notion “the end of history” and actual incompleteness of historical process. The conclusions are extrapolated to other philosophical and historical conceptions containing “the end of history” notion.

Key words and phrases: F. Fukuyama; G. W. Hegel; T. Todorov; end of history; conflict; story; philosophy of history.